

Георгий ПОЧЕПЦОВ

РЕВОЛЮЦИЯ.
com

О с н о в ы
протестной
инженерии

 европа

Георгий Почепцов

**Революция.com: Основы
протестной инженерии**

«Европа»

2005

Почепцов Г. Г.

Революция.com: Основы протестной инженерии /
Г. Г. Почепцов — «Европа», 2005

Цветные революции очень ясно доказывают нам, что возможны эффективные технологии управления обществом, построенном на технологиях. Стандартная методика приложима к таким, казалось бы, разным нациям, как грузинская, украинская, киргизская. По собственному опыту знаю, что стимулировать человека расстаться с деньгами часто труднее, чем убедить его расстаться с жизнью. И если общество потребления давно выработало эффективные стимулы к покупке товара, тем более действенны стимулы к выбору президента. Заманить нас на площадь не труднее, чем в супермаркет. В конце концов, транснациональные компании каждый день организывают нам новые потребности. Десять лет назад мы не подозревали, что не можем существовать без мобильного телефона. Еще год назад мы не догадывались, что нашей жизненной необходимостью являются честные выборы. Предпринятая Георгием Почепцовым попытка систематизировать методологию цветных «революций» крайне интересна (поскольку это фундаментальный труд) и немного забавна: как если бы белые лабораторные мыши попытались систематизировать методологию экспериментов.

© Почепцов Г. Г., 2005

© Европа, 2005

Содержание

Предисловие	5
Введение	7
Глава первая	8
Революция: концептуальные основы	8
Инженерия протеста	8
Кампания по непризнанию выборов «Арифметика революции»	11
Внутренние и внешние ресурсы	15
Среда стабильная и нестабильная	18
Бархатная революция: модель успеха и неуспеха	22
Предварительные условия цветной революции	22
Обязательные компоненты бархатной революции	23
Коммуникативная модель революции	30
Информационное давление	30
Изменения в физическом, информационном и когнитивном пространствах	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Георгий Почепцов

Революция.com. Основы протестной инженерии

Предисловие

Предпринятая Георгием Почепцовым попытка систематизировать методологию цветных «революций» крайне интересна (поскольку это фундаментальный труд) и немного забавна: как если бы белые лабораторные мыши попытались систематизировать методологию экспериментов.

На правах белой мыши позволю себе высказать несколько соображений (издать несколько писков). Коллега Почепцов описывает эксперимент, но отрицает экспериментатора. «Что касается роли внешнего влияния – пишет он – то США и Россия были одинаково активны на территории Украины, хотя и реализовали это влияние с помощью разного инструментария, так что этот фактор можно считать взаимно нейтрализующим...»

Инструментарий США:

- все наднациональные бюрократические структуры, ОБСЕ и проч.;
- сотни финансируемых госдепом неправительственных организаций;
- тысячи грантов для антиправительственных изданий, сайтов, объединений, институтов, отдельных деятелей и журналистов;
- более десяти тысяч западных наблюдателей (по сравнению с несколькими сотнями из стран СНГ);
- сверхактивная поддержка оппозиции американским посольством;
- шантаж американским руководством украинского.

Инструментарий России:

- поздравление Путиным Виктора Януковича.

Ни о какой взаимной нейтрализации влияний не может быть и речи. Россия не соревновалась даже на уровне лозунгов. Американцами были предложены простые, вразумительные, действенные идеи: честные выборы, интеграция в Европу, отстранение от власти бандитов, национальное возрождение. Какие лозунги противопоставила этому Россия? Государственный статус русского языка (казалось, что население зверски замучено необходимостью написания «и с точкой»). Вместо Европы предлагалось единое экономическое пространство с Беларуссией и Казахстаном. Киевлянам пытались объяснить, что Московский патриархат лучше Киевского. В отличие от США, Россия не имела в Украине ни инструментов влияния, ни планов того, куда надо влиять.

Оппозиция – лишь один из инструментов цветной революции. Отнюдь не автор. В Украине Руководство оппозиции было скомплектовано из случайных персонажей с чиновничьим или барыжным жизненным опытом. То есть опытом, неподходящим для бунта. Эти люди часто ненавидели друг друга больше, чем Кучму. Каждый час им приходилось совершать нестандартные действия, реагировать на новую ситуацию. Поразительно, но ни одной минуты они не тратили на выработку стратегии, на споры о тактике, на перетягивание каната, на обычные в таких делах сомнения и пораженчество. Они четко, не отступая ни на шаг, придерживались единого алгоритма. Откуда они взяли этот алгоритм? Ющенко его выработал сидя между денежными мешками в Нацбанке? Юлия его вывела из своих газовых схем? Борис Немцов подсказал? Прочитали черновики уважаемого Г.Г. Почепцова? После прихода к власти оранжевое руководство не демонстрирует и десятой доли той эффективности. Алгоритм закончился? Алгоритм

и политическую страховку дали американцы. И намекнули, что лишат страховки, если увидят отступления от алгоритма.

«Только та революция чего-либо стоит, когда власть ничерта не стоит». Оппозиция смогла сформироваться лишь потому, что власть боялась пальцем тронуть оппозиционера. Боялась противодействовать иностранным гуманитарно-подрывным фондам. Во время оранжевого фестиваля на Майдане, самое главное посольство прямо объяснило всем предводителям контрреволюции: одна капля крови, и вы окажетесь за пределами экономической жизни. Ни одной тонны металла за рубеж вы больше не продадите. Вы можете помахать дубинками только в том случае, если готовы, подобно колумбийским нарко-марксистам, бежать в Карпаты и до конца жизни в лесах бороться с глобализмом. Оказалось невозможным коллекционировать доллары и быть независимым от их эмитента.

Подсознательная уверенность в безопасности была основной причиной массовости Майдана. США были основным спонсором и методистом цветных революций. Без американской страховки они были бы невозможны.

Цветные революции очень ясно доказывают нам, что возможны эффективные технологии управления обществом, построенном на технологиях. Стандартная методика приложима к таким, казалось бы, разным нациям, как грузинская, украинская, киргизская. По собственному опыту знаю, что стимулировать человека расстаться с деньгами часто труднее, чем убедить его расстаться с жизнью. И если общество потребления давно выработало эффективные стимулы к покупке товара, тем более действенны стимулы к выбору президента. Заманить нас на площадь не труднее, чем в супермаркет. В конце концов, транснациональные компании каждый день организывают нам новые потребности. Десять лет назад мы не подозревали, что не можем существовать без мобильного телефона. Еще год назад мы не догадывались, что нашей жизненной необходимостью являются честные выборы.

Метод становится технологией тогда, когда перестает зависеть от качеств пользователя. Мы наблюдаем революции без революционеров. Более того, революционеры только мешали бы. Менеджер по продажам не должен мнить себя Робеспьером.

И последнее: поп-революции – это революции извне. Я способен эффективно влиять на вас, если сам недоступен для вашего влияния. Лаборант не должен сидеть в одной клетке с лабораторными мышами.

Все остальное вы найдете у Почепцова. Прочитайте. Хорошая, грустная книга.

Лмитрий Корчинский,

лидер политической партии «Братство»

(Украина)

Введение

*Есть у революции начало,
Нет у революции конца
(из песен советского периода)*

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ДАВНО занимается революциями, но реальное теоретическое осмысление этих процессов началось только в двадцатом веке. Сегодня, в связи с возрастанием в политике роли игроков негосударственного уровня, внимание к возможностям революционной борьбы стало еще большим.

В данной работе нас будут интересовать революционные технологии, то есть форма, а не содержание самих революций: как, кто и какими путями может формировать новое будущее, которое не совпадает с тем, к чему в данный момент шла страна.

Речь идет об особом роде инженерии протеста, поскольку во многих случаях это сознательное изменение, возникающее из-за активных действий оппозиции, а не автоматическое развитие ситуации или случайное развитие событий. Сегодня существует большой штат специалистов, которые готовы бесплатно или за деньги развернуть соответствующий вид кампании, направленной на смену власти в данном регионе.

Бархатные революции, как и другие варианты смены режимов, стали обыденной формой реализации изменений в современном постсоветском мире. Их даже стали уже ждать, напряженно высчитывая, какая страна будет следующей. При этом власти именно ждут бархатных революций в бездействии, что происходит со времен 1989 года, когда однотипные явления прошли по странам Восточной Европы. Станный феномен нейтрализации власти в подобных ситуациях также подлежит изучению.

В результате цветных революций постсоветское пространство перестало жить по своим законам. Вновь пришло время изменений, к которому это пространство плохо подготовлено. Но новые поколения оказались именно в той среде, которая наиболее адекватна их мироощущению. По этой причине возникает противоречие между пространством революции и пространством послереволюционной жизни, когда власть вновь переходит в руки людей более старшего поколения, которые живут по другим моделям.

Глава первая

Революции, путчи и другие смены режимов: методологические основания

Революция: концептуальные основы

Инженерия протеста

МЕНЯЯ ИНТЕНСИВНО настоящее, мы одновременно интенсивно изменяем и свое будущее, поскольку в результате такой трансформации мы придем к другому варианту будущего, чем ожидалось при естественном развитии событий. Сильные игроки никогда не ждут естественного развития, они сами диктуют направление движения. Это линейное и нелинейное виды движения: линейное как предсказуемое и нелинейное как непредсказуемое. Инженерия протеста опирается на инструментарий, направленный на захват власти и использующий протестные настроения масс, искусственно или естественно создаваемые. Управляемость революционных процессов демонстрируют все бархатные революции последнего времени.

Реальные революции меняли социальные основы общества, приводя к власти новые элиты. Бархатные революции, а также цветные их варианты последнего времени не столько меняют элиты, сколько совершают их круговорот. Частично это связано с меняющейся структурой общества, в рамках которого появляются новые элиты, которым требуется «собственное место под солнцем». Так, например, одной из движущих сил оранжевой революции в Киеве стал «бунт» малого и среднего бизнеса против бизнеса олигархического, который был определенной «тенью» существующей власти.

В целом мы можем разграничить традиционные, бархатные и цветные революции по типу приходящей элиты и по типу смены социального строя, получая в итоге следующий результат (см. табл. 1).

Таблица 1

Классификация революций по типу приходящих элит и по типу смены социального строя

Тип революции	Динамика элит	Динамика социального строя
Традиционная	Новая элита	Новый социальный строй
Бархатная	«Уничтожение» первых лиц	Новый социальный строй
Цветная	Круговорот элиты	Старый социальный строй

Применение насилия не может служить таким признаком, поскольку даже революция 1917 года обошлась без кровопролития.

Мятежи, дворцовые перевороты являются определенным «кирпичиком» истории, меняющим спокойное развитие событий, уничтожая их предсказуемость. **Корнелий Тацит**, например, описывает разнообразные мятежи времен Древнего Рима. **Эдвард Луттвак** считает путч гораздо более демократичным, чем дворцовый переворот [1]. Разницу он видит в том, кто может совершить тот или иной тип изменений. Дворцовый переворот совершается только «своими», в то же время путч допускает «чужих», то есть тех, кто находится вне правительства, но в то же время в самой стране.

Классики изучения революций – **Тед Сколпол** и **Джек Голдстоун**

– подчеркивают трансформирующий характер революций. Т. Сколпол задает революцию как быструю трансформацию государственной и классовой структур, сопровождаемую и частично проводимую с помощью классового восстания снизу. **Джек Голдстоун**

– как трансформацию политических институций оправдания власти в обществе и сопровождаемую формальной или неформальной массовой мобилизацией и неинституциональными действиями, подрывающими существующую власть.

Характерным для революции является определенный всплеск агрессивности, направленный на внутреннего оппонента, а не внешнего противника. **Сергей Переслегин** говорит, что революция «тоже война, только направленная на более близкого противника» [2]. Вспомним агрессивность, проявленную даже в физическом пространстве после революции 1917 года, когда громились дворцы и другие культурные ценности. Одновременно эта же агрессивность распространяется в информационном и когнитивном пространствах, проявляя нетерпимость к иному мнению.

Джон Гейтс соглашается с мнением многих исследователей по поводу отсутствия общей теории революции, начиная с проблемы определения самого понятия революции [3]. **Жак Эллюль** при этом отмечает, что «мы должны принять в качестве революции то, что люди в определенный период воспринимают как революцию и таким образом называют ее сами». Бессмысленно говорить, что революция 1830 года не была революцией, если те, кто делали ее, верили, что это было именно так.

К будущему можно двигаться эволюционным путем, а можно революционным. Любой интенсивный метод всегда болезнен для общества, но он, несомненно, сокращает путь вперед. «Когда мятеж кончается удачей, зовется он, как правило, иначе», – говорится в одном из переводов **Самуила Маршака**, иллюстрируя, что попытки интенсива могут быть как удачными, так и неудачными. При этом осуществляется модель переноса одного и того же инструментария в разные страны. Так, новый тип бархатных революций сначала прошел в Восточной Европе, потом в Югославии и Грузии, в 2004 году в Украине. Сегодня существует предупреждение о грядущих революциях лозы в Молдавии, революции маков в Киргизии, революции тюльпанов в Казахстане [4]. Киргизская к настоящему времени уже и завершилась.

Однако другие аналитики подчеркивают будущую направленность подобного инструментария на Россию и Азербайджан. Для России, например, предложен термин «березовой революции» [5]. **Марат Гельман**, активный участник выборов на Украине, говорит о переносе этой ситуации на российскую почву следующее: «Основная опасность есть на региональном уровне. В ситуации, когда губернаторы назначаются, мы можем получить нечто подобное в отдельно взятом регионе – условно, какой-нибудь «оранжевый Псков». Это будет некий протест против неудачного назначения. А в масштабах страны просто нет игроков, которые могли бы осуществить оранжевую революцию. На Украине двигателем событий были пассионарные люди, защищавшие свои убеждения, и были серьезные игроки, которые могли профинансировать и оформить энергию этих людей. В России сегодня не осталось ни одного игрока, способного играть в такую рискованную игру. Но в масштабе региона нечто подобное – очень опасно» [6]. В любом случае успех имеет склонность к переносу на новую почву. Как отмечает **Джон Гейтс**, американская, французская, русская революции становились примером для других [3]. **Э. Зельбин** также активно поддерживает идею влияния старых революций на новые [7].

Имея перед собой модель, ее не так и легко перенести на новую почву. Отличие Украины от России увидел и **Глеб Павловский**, положив его в основу объяснения неудачной работы российских политтехнологов на выборах. **Дмитрий Фурман** рассмотрел эти отличия более подробно. Он акцентирует ряд особенностей, которые сформировали базу для возникновения оранжевой революции [8]:

- иные исторические модели: Россия – Петр Первый, Иван Грозный, Украина – гетманы, казацкая вольность;
- разобщенность, плюралистичность украинского общества в отличие от российского: два языка, четыре церкви, существенное различие регионов;
- Украина проголосовала за независимость, поэтому только Леонид Кравчук, в отличие от Бориса Ельцина или Станислава Шушкевича, имел за собой такой мандат;
- Украина в 1994 году произвела ротацию власти;
- большие слои украинского общества хотят в Европу.

Причину оранжевой революции **Андрей Дмитриев** видит в процессе смены элит, в случае когда в легальном поле ее было невозможно произвести [9]: «Очевидно, что режимы Шеварднадзе, Кучмы (далее – по списку) отжили свое. А бархатные революции выполняют функции санитарной обработки постсоветского пространства, уничтожая то, что должно умереть. Именно поэтому возможен их экспорт в Молдавию, Киргизию, Казахстан и другие страны, ведь правящие в СНГ элиты похожи друг на друга, как близнецы-братья».

Тут следует вспомнить и ситуацию в Литве, когда элита «вытолкнула» Роландаса Паксаса с поста президента путем импичмента, но сделала это все же легальным способом. Первое лицо и элита также попали в конфронтационный цикл, завершившийся отстранением. Перед нами возникает несколько вариантов разрешения межэлитного конфликта, кроме более простого варианта смены в результате выборов (см. табл. 2).

Таблица 2

Межэлитные конфликты на постсоветском пространстве

Страна	Конфронтация	Результат
Литва	Импичмент	Отстранение первого лица
Грузия, Украина	Революция + перевыборы	Отстранение первого лица
Белоруссия, Россия	Протестные настроения	Сохранение первого лица

При этом процессы нового мироустройства, развитие глобализации делают любое внутреннее действие зависимым от внешних координат, сегодня уже невозможно представить себе ситуацию, когда подобные существенные трансформации проходят без активной роли внешнего наблюдателя, берущего на себя часто и роль арбитра. Эта же проблема стоит и перед сегодняшней Россией, которая однотипным образом будет вынуждена опираться на внешний инструментарий в случае обострения своей внутриэлитной борьбы. Сравним следующее наблюдение: «Вряд ли у современной российской власти есть возможности для широкого превентивного насилия, что повышает вероятность обращения к внешнему гаранту. В условиях предельной слабости государственных институтов и распада пространства власти роль центра установления порядка и справедливости возьмет на себя Запад в лице его международных институтов и организаций» [10].

Борис Межуев акцентирует в последних событиях на Украине попытку вызвать «эффект домино», который по постсоветскому пространству должен дойти до Средней Азии, а там перекинуться на Иран [11]. Он подчеркивает, что консервативная пауза 1990-х привела к политизации ислама, породившего два крыла: антиавторитарный протест и левый антиглобализм, носящие антизападный характер. США заинтересованы «перебить эту новую, уже явно не соответствовавшую их интересам демократическую «волну» ответным движением». Что касается самой России, то в этом случае **Борис Межуев** отмечает в посторанжевом оживлении демократической оппозиции «не стремление к свободе, а процесс энтропийного разложения, пассивное принятие введенного в действие для совершенно посторонних России и свободе целей (и хорошо заплаченного) процесса государственного распада». Таким образом, связы-

ваются и затем разъединяются два направления: движение от авторитаризма к демократии и западный или евразийский цивилизационно-государственные проекты.

Идеология смены режимов (regime change) реализуется в насильственной и ненасильственной сферах, когда бархатные революции, протекающие в условиях нейтрализации власти, что является отдельным подпроектом, производят нужный эффект. Можно представить имеющийся набор смены режимов по шкале наличие / отсутствие сопротивления со стороны власти и шкале малая / большая вовлеченность населения. Путч и революция различаются степенью вовлеченности населения, поскольку путч представляет собой захват власти малой группой людей. Но они оба противопоставлены по параметру наличие / отсутствие сопротивления со стороны власти. Нейтрализация власти была характерна для бархатных революций, когда власть сама уходила под давлением, и перестройки, когда власть трансформировала сама себя.

П. Форд приводит длинный список удачных и неудачных попыток смены режимов, в которых США принимали активное участие [12]: 1953 – Иран, 1954 – Гватемала, 1960 – Конго, 1961 – Куба, 1965 – Доминиканская Республика, 1973 – Чили, 1983 – Гренада, 1986 – Филиппины, 1986 – Ливия, 1989 – Панама, 1992 – Сомали, 1994 – Гаити, 1999 – Югославия, 2001 – Афганистан. Теперь в этом списке есть и Ирак. При этом аналитики подчеркивают, что Ирак является отнюдь не бедным государством, обладая вторыми по уровню запасами нефти. В свою очередь **Р. Тентер** рассматривает с этой точки зрения Палестину и Иран [13].

США называют наиболее активной страной, которая занята строительством других государств [14]. При этом в качестве наиболее важных выделяются три параметра:

- американская интервенция должна быть направлена на смену режима;
- для этого размещается большой объем наземных войск;
- американский гражданский и военный персонал активно включены в политическую администрацию.

Поскольку в большинстве случаев не удалось построить демократические государства, то возникает вопрос о других критериях, ведущих к успеху. Рассмотрение, среди прочего, таких стран, как Германия и Япония, позволило выделить следующие три критерия успешности включения внешней силы:

- совпадение со стратегическими интересами внешней силы: Германия и Япония, например, удовлетворяли необходимости сдерживания СССР;
- стратегические интересы должны совпадать в широком смысле с национальными интересами рассматриваемой страны;
- должен быть консенсус по поводу общих стратегических интересов внутри общества рассматриваемой страны, например, в Германии и Японии население было согласно со своими лидерами в аспекте союза с США против распространения коммунизма.

Если первый вариант критериев можно трактовать как определенную форму, то второй вариант отражает особый тип содержания, вкладываемого в эту форму.

Югославия, Грузия, Украина продемонстрировали вариант смены режимов по формуле непризнания прошедших выборов.

Кампания по непризнанию выборов

Кампания по непризнанию выборов одновременно является кампанией против власти, выборы являются лишь точкой отчета для начала «военных» действий.

Что дает концентрация именно на точке выборов? Во-первых, принципиально облегчена подготовка к смене режима, поскольку организационно и выборы, и смена режима опираются на однотипные виды организационных структур. Во-вторых, имеет место один и тот же вид информационной кампании, которая демонизирует имеющийся на этот момент правя-

щий режим. В-третьих, выборы сами по себе являются критической точкой, которая может быть использована для разнообразных целей. **М. Райсман**, например, считает выборы, проведенные под международным контролем, методом по восстановлению внутреннего порядка в дезинтегрирующейся стране [15]. В основе этого подхода лежит идея, что голос народа, отданный одной из сил, делает ее полу божественной, что заставит подчиниться ей все воюющие стороны.

Аргентинский ученый **Э. Заблоцки**, анализируя **военные путчи** в Латинской Америке, акцентирует два положения [16]:

- даже когда есть гражданская составляющая путча, этот вид недемократических изменений правительства остается военной проблемой, поскольку в нем участвует большинство армейских офицеров, а большинство гражданских групп остаются в бездействии;
- военному путчу, сбрасывающему демократический режим, обычно предшествует период экономического и социального хаоса, который характеризует вакуум власти, под которым понимается ситуация, когда правительство не выполняет своих обязанностей по правлению.

В основу своего подхода Э. Заблоцки положил **теорию групп давления Артура Бенгли**, где особую роль играют политические группы давления, а не избиратели, политики и политические партии, как это обычно представляется.

Давление, как нам представляется, должно реализоваться либо как «проталкивание» события, то есть свои активные действия, либо как нейтрализация действий других. Именно нейтрализация действий других стала важной приметой оранжевой революции в Киеве, что привело к пассивному, а не активному сопротивлению власти.

Э. Заблоцки исследовал 32 варианта смены: 14 смен режимов и 18 смен правителей [17]. Его гипотеза такова: военный путч, сбрасывающий демократический режим, должен произвести существенные изменения в системе распределения благ, чего не произойдет при замене одного военного правителя другим или при демократическом президентском переходе власти. В результате гипотеза была подтверждена в 79 % смены режимов и в 89 % смены правителей. **Э. Заблоцки** также исследовал другие экономические модели проявления политического давления [18].

Джон Гейтс подчеркивает, что в XVII веке революционные и контрреволюционные силы были относительно равны [3]. Революции были спонтанными, ответное реагирование правительства часто – слабым. В начале XVIII века правительственные силы уже оказывались сильнее. Конец XVIII и начало XIX века создают уже другое соотношение сил, и наступает время революций.

Революционные события 1848 года представляют сложность для анализа, поскольку революции проваливаются не из-за превосходства контрреволюционного оружия, а из-за неадекватного предреволюционного планирования, слабой работы среди людей, плохой организации, то есть все это признаки непрофессионализма среди революционеров.

Джон Гейтс акцентирует, что напуганные 1848 годом правительства стали уделять больше внимания контрреволюции. В городах стали строиться длинные бульвары, которые позволяли войскам быстро развертываться, осуществлять стрельбу из ружей. «Городское планирование было определено контрреволюционным». Контрреволюционным оружием стали также реформы: политические, социальные и экономические. Появление новых революций в конце XIX – начале XX века осуществлялось там, где правительства были слабы и не могли или не хотели пользоваться техникой репрессий и кооптации. Это Мексика 1910 года и Россия 1917-го.

В этой динамике интересно соотношение сил революции и контрреволюции в разные периоды, а также возрастающие адаптационные возможности правительств, когда нужное сочетание репрессий или реформ делает революции уже не столь значимыми.

Вышесказанное позволяет нам построить определенный треугольник революции, состоящий из власти, народа и оппозиции. Каждая составляющая может находиться в активной (обозначим ее как 1) или пассивной (обозначим ее как 0) позиции, образуя в результате тот или иной тип интенсивной смены режима.

• **ВНО-011:** это **революция**, когда и массы, и оппозиция забирают власть при минимальном сопротивлении.

• **ВНО-001:** это **бархатная революция**, когда власть сама сдается, не предпринимая решительных шагов по своей защите.

• **ВНО-101:** это **путч**, когда группа заговорщиков забирает власть.

• **ВНО-111:** это **внутренняя война**, которая может завершиться поражением одной из сторон. А может вестись достаточно долго, как это имеет место, например, в странах Латинской Америки.

• **ВНО-000:** это и **демократия**, и вариант брежневского застоя, когда все стороны занимают своими делами.

• **ВНО-100:** это типичный **авторитарный режим**, когда все действия возможны только со стороны власти.

Понятно, что сильный репрессивный режим начинает вызывать сопротивление. По поводу диктаторства Сомосы и революционной идеологии генерал Куадра, бывший командующий национальной армией Никарагуа, говорит, что экстремальные условия порождают экстремальные позиции [19].

Давление снизу встречает два вида реагирования сверху:

- репрессии;
- реформы.

И то и другое может нести как успех, так и поражение.

В случае бархатных революций революционный треугольник должен быть преобразован в квадрат, поскольку активную роль начинает играть внешний игрок, который даже в роли наблюдателя уже оказывает существенное воздействие на происходящие события. Внешний игрок участвует как в нейтрализации действий власти, так и в стимуляции действий оппозиции. Уровень вероятности победы в этих случаях становится резко выше.

В качестве примера можно посмотреть на модель изменений на постсоветском пространстве как поочередную смену правящих группировок, каждая из которых становится все более зависимой от Запада [20]. При этом **Сергей Переслегин** считает обвинение Запада в лицемерии несправедливым: «Надо усвоить, что они свято верят в то, что говорят, иначе Запад с его мессианским пафосом мы не поймем никогда. Проблема не в том, что он пытается продвинуть свой образ жизни, плохо то, что он не умеет это делать, не уничтожая чужого. В отличие от России, которая умела» [21].

Э. Зельбин, относящийся уже к четвертому поколению исследователей революции, предложил свои тезисы, отражающие статус-кво на сегодня этих исследований [22]:

- для большей части революций более **значимы отличия**, чем их близость;

изучение прошлого должно проводиться с максимальной осторожностью, опираясь на множество голосов, следуя множеству источников;

• признавая локальный характер революций, нельзя отрицать имеющихся **глобальных тенденций**;

• существует определенный международный революционный **бриколаж**, сформировавший определенную **практическую идеологию**;

• задолго до глобализации революционеры сформировали **набор мифов, символов и связей**, которые поддерживают возникновение революционных процессов по всему миру;

- сегодня **настало время глобальных перемен**, поскольку расширяется пропасть между богатым и бедным мирами, а люди обладают моделью, зафиксированной нарративами восстаний и революций;

- на сегодня неясно, что означает **глобализация**, что она подразумевает, какое развитие получит;

- изучение разного рода нарративов позволит ответить на вопросы: **почему революции происходят тут и не происходят там?** Почему они происходят сейчас, а не тогда? **революции отражают эмоциональную включенность**, они носят более культурный, чем социальный или экономический характер;

типичная революционная история, рассказываемая и пересказываемая, повествует о храбрых, доблестных, страдающих людях, часто молодых, которые, поняв большую несправедливость своей ситуации, поднимаются, требуя свободы, равенства и справедливости;

- если есть такая **протоистория**, то когда и где, почему и как она становится историей борьбы сегодняшнего дня;

- революционеры стремятся **разговаривать с мертвыми с помощью чтения их текстов**, даже говоря с ними;

- революционеры **обладают способностью (ре)конструировать нарративы**, чтобы организовывать и канализировать свое видение.

Мы постарались суммировать предложения **Э. Зельбина** в более краткой форме, поскольку каждый пункт у него носит достаточно развернутый характер. Однако наиболее важным в них, как нам кажется, является серьезное смещение в сторону коммуникативных (культурных, символических) аспектов революции, отодвигая собственно экономические причины, более свойственные марксистским представлениям, на задний план. Новые революции, примером чего может служить оранжевая революция, демонстрируют четкое следование этим новым канонам, в рамках которых нематериальные переменные оказываются важнее материальных.

Однотипно **Э. Зельбин** видит существенную роль таких составляющих, как коллективная память, символическая политика и вопросы создания коллективной идентичности [23]. И все это направлено на достижение социальной справедливости.

Еще одно важное замечание состоит в роли эмоциональной составляющей.

Революция – это всплеск эмоций, который к тому же опирается на всплески эмоций из прошлых периодов. Например, оранжевая революция обязательно должна была вспомнить смерть журналиста Григория Гонгадзе. Оперирование с эмоциями не совпадает с рациональными подходами. Если революционеры всегда работают с эмоциями, то с ними могут не совпадать в своих подходах либо власть, либо внешний игрок, который сегодня во многом обязателен для революции.

США констатируют понимание такого несовпадения, подчеркивая, что американцы слишком полагаются на рациональность других [24]. Более того, определенная ошибочность исходно закладывается в их проект: «Мы верим, что демократия столь явна для интересов человечества повсюду, что наш тип мультиэтнической демократии, в частности, несет особую привлекательность, что он легко подлежит экспорту в государства, не имеющие никакой демократической традиции. Мы забываем, что наша демократия была построена не за один день» [24. – С. 49].

Революция объединяет в себе несколько проектов: эмоциональную силу населения, рациональную силу оппозиции, идущей со своим проектом, внешний тренд изменений, а также реагирующую на все это власть, поскольку именно ей приходится удерживать свой проект от разрушительной силы других игроков.

«Арифметика революции»

Все революции происходят по модели вписывания поведения власти в свой собственный сценарий. Власть либо подчиняется этому давлению, либо усиливает свою репрессивную составляющую. Рассмотрим несколько таких реальных сценариев.

Революция 1905 года в России началась с отказа властей принять требования рабочих. Демонстрация была расстреляна. В ответ возникли забастовки, к которым подключились и военные части. 17 октября царь Николай II издает Манифест, где провозглашает свободу слова, печати, совести, собраний и так далее. В декабре происходит вооруженное восстание в Москве, которое было задушено. Революция постепенно пошла на спад, но одновременно власть дала определенные послабления.

Попытка путча 2004 года в Перу началась с того, что вооруженная группа из 200 человек убила двух полицейских, захватила полицейский участок и часть южного перуанского города, требуя отставки президента Алехандро Толедо, обвиняемого ими в коррупции. Правительство послало дополнительные войска, объявив в этом районе чрезвычайное положение. Популярность президента в это время была на уровне 9%. Революционная группа, включающая семейных женщин, сдалась под гарантии премьер-министра Карлоса Ферреро.

В двух этих случаях ситуация развивалась по насильственному сценарию, что оправдывало ответное применение насилия со стороны власти. Но и в том и в другом случае было предварительное нереагирование властей на четко сформулированные (а значит, прошедшие определенную социальную фильтрацию) требования.

После повторения блока «требования – нереагирование» возникает насильственная развязка. При этом в 1905 году, как, кстати, и в 2005 году после оранжевой революции в Украине, произошедшие события сразу приводят к большей информационной свободе. Перестройка также имела в качестве своего важнейшего компонента информационную свободу. Получается, что такого рода информационный всплеск существенным образом уничтожает имеющийся уровень доверия к власти.

В качестве примера можно вспомнить нарастание публичных протестов в Китае. Статистика демонстрирует, что число протестующих достигло в 2003 году 60 тыс. человек, что на 15% больше, чем в 2002-м, и в восемь раз больше, чем было 10 лет тому назад [25]. Обращение с петициями к центральному правительству возросло на 46% сравнительно с 2002 годом, однако только две сотых процента из тех, кто воспользовался этим, говорят, что она работает.

Создается цепочка реагирования на нереагирование (см. табл. 3).

Таблица 3
Цепочка реагирования

Пространство	Действие
Физическое	Отклонение, связанное с правительством
Информационное	Сообщение о нем
Когнитивное	Формирование протестного отношения
Информационное	Петиция
Физическое	Нереагирование
Когнитивное	Расширение протестных отношений

Внутренние и внешние ресурсы

Можно говорить об определенной «арифметике революции», что связано с взаимозависимостью власти и оппозиции: любой шаг вперед возможен только при нейтрализации проти-

воположной стороны. Это главная аксиома революционной борьбы. Для этой нейтрализации есть внутренние и внешние ресурсы.

Внешний ресурс представляет собой опору на внешние силы как в целях легитимизации своих действий, так и в целях ресурсной поддержки. В перевернутой пирамиде внешняя ресурсная поддержка вообще является главной действующей силой, активирующей силы внутри страны. Например, **Джон Форан** акцентирует внимание в доктрине Джорджа Буша на ориентации на активную смену чужих режимов [26]. **Макс Бут** борется против клише, что революции не могут быть навязаны извне, акцентируя варианты оранжевой революции для других стран постсоветского пространства [27].

Профессор истории Тафтского университета **Гари Лепп** полушутливо-полусерьезно перечисляет **этапы такой работы по смене режима** [28]:

- выберите режим для сбрасывания;
- очерняйте режим в публичных высказываниях, критически освещайте в прессе;
- подчеркивайте, что это государство находится в черном списке Госдепартамента;
- подчеркивайте, что данное государство имеет связи с иностранными террористическими организациями;
- объединяйте любыми способами эти террористические организации с «Аль-Каидой» и с атаками 11 сентября;
- объединяйте угрозы Израилю с угрозами США;
- подчеркивайте наличие у выбранного режима оружия массового поражения;
- повторяйте доктрину превентивного удара, в соответствии с которой возможность угрозы оправдывает односторонние действия США;
- получите добро Конгресса на действия против режима;
- получите, если это возможно, резолюцию ООН, которая может оправдать военные действия;
- описывайте сопротивление ООН планам по смене режима как неадекватность, коррупционность и устарелость;
- описывайте сопротивление союзников как эгоизм и антиамериканизм;
- поддерживайте новых союзников, жаждущих помочь в смене режима;
- вторгайтесь и оккупируйте.

Продолжая тему «арифметики революции», следует подчеркнуть, что революция решает две задачи:

- нейтрализация старых действующих сил;
- наращивание новых.

Эти действия имеют место в трех пространствах: физическом, информационном и когнитивном. В последнем происходит доказательство и закрепление нелегитимности старых властей и легитимности новых.

Возникает возможность переформатирования одного из пространств за счет другого, когда «энергетика» передается между пространствами:

- информационного в когнитивное;
- информационного в физическое;
- когнитивного в информационное;
- когнитивного в физическое;
- физического в информационное;
- физического в когнитивное.

Если внешний ресурс иногда выступает в роли причины действий по смене режима, то внутренний ресурс также может выступать в этой же роли, поскольку он включает как само население, так и разного рода внутренних союзников.

Может быть сделана попытка стимуляции внутреннего ресурса (как и внешнего). В Чехословакии в 1969 году **Ян Палах**, а за ним еще около двух десятков молодых людей подвергли себя самосожжению, протестуя против советского вторжения 1968 года. В этом случае результат пришел, только очень не скоро, через два десятка лет.

В ситуации 11 марта 2004 года в Испании, когда террористы взорвали три поезда в пригороде Мадрида и погиб 191 человек, а две тысячи получили ранения, на парламентских выборах, прошедших через несколько дней, партия власти понесла поражение. Тут внутренний ресурс, даже стимулированный извне, принес планируемый результат (см. табл. 4).

И в том и в другом случае речь идет о переносе энергетики трансформации физического пространства в когнитивное, в поле принятия решений, что без такой трансформации могло бы затянуться во времени.

Таблица 4
Стимуляция внутреннего ресурса

Чехословакия, 1969 год, самосожжение	Чехословакия: вывод советских войск	Безрезультатно
Испания, 2004 год, взрывы в пригородных поездах	Ирак: вывод испанских войск	Через несколько дней

В чем здесь разница? Дело все в том, что в первом случае центр принятия решений находился вне зоны насилия: было только информационное воздействие и не было физического, соответственно, занижено когнитивное. В Испании не просто все три пространства сработали воедино, но и последующее решение принималось не членами Политбюро, а самим населением.

Интересно, что внутренний протест по своей форме очень схож с процессами обратной направленности – поддержки властей. Например, сравним демонстрацию трудящихся 7 ноября в СССР и акцию протеста (см. табл. 5).

Таблица 5
Сравнение демонстрации 7 ноября и акции протеста

Направленность	На власть	На власть
Массовость	Максимально возможная	Максимально возможная
Цель	Единение с властью	Дискредитация власти

Все внешние параметры этих двух событий одинаковы, то есть в одну форму вкладывается два не просто разных, а противоположных содержания. И только один аспект целевой направленности разный – «за» или «против» власти.

По этой и по ряду других причин очень важной становится система узнавания аналогов ситуации протеста в прошлом. Все протестные ситуации сегодня покоятся на прошлых попытках, которые объединяет разная степень неудачности. Однако Украина 2004 года была бы невозможной без разных видов протестов прошлых периодов, которые во многом и по использованию палаток, и по проведению демонстраций, и по лозунгам являются сходными.

Сегодня также резко возросла роль внешнего игрока по отношению к внутренним процессам, чего никогда не было в таких объемах ранее. Это связано с общим системным давлением со стороны, когда происходит определенное выравнивание политических режимов, связанное в сильной степени с тем, что на сегодня сформирован однополярный вариант мира. Один из новых теоретиков Пентагона **Томас Барнетт** подчеркивает, что американское определение угрозы сегодня прошло трансформацию от «империи зла» к «режимам зла» и «фак-

торам зла» [29]. В своем исследовании, сделанном в рамках проекта 2020 года Национального совета по разведке, **Томас Барнетт** подчеркивает, что с 1989 года основные военные интервенции США были направлены на ограниченное количество лиц:

- в Панаме – на одного человека: Мануэля Норьегу;
- в Сомали – на конкретных военачальников, в частности на Мохаммеда Аидида;
- в Югославии – против Слободана Милошевича и его правящего клана;
- в Афганистане – против лидеров «Талибана»;
- в Ираке – против «колоды карт» – 50 высших членов правящей элиты.

Добавим, что и в случае Чечни все действия направлены на поиск и уничтожение лидеров боевиков. Предлагаемое **Томасом Барнеттом** определение «несостоявшегося государства» (failed state) также лежит в наборе внешне заданных характеристик: такое государство либо не может построить свою связность с процессами глобализации, либо сознательно тормозит развитие такой связности, чтобы сохранять жесткий политический контроль над своим населением.

Революция предполагает смену элиты, поэтому в качестве предварительного этапа для осуществления этой цели требуется остановка политической машины:

- остановка политической машины;
- смена политических игроков.

Для остановки политической машины следует захватить физическое, информационное и когнитивное пространства. При этом идеология ненасильственных действий как основа бархатных революций предполагает нечто вроде захвата того или иного пространства новыми методами. Например, традиционный захват физического пространства вызывает в нашей памяти матросов с винтовками и пулеметом, в то время как информационный или когнитивный захват физического пространства предполагает объявление его захваченным или недопуск туда чиновников с помощью цепочки протестующих. Происходит потеря контроля со стороны власти: не выдерживаются стандарты поведения, которые до этого были обязательными.

Поскольку одновременно идет столкновение когнитивных механизмов, направленных на принятие решений, то побеждает вариант более креативной стратегии, той, которую **Сергей Переслегин** именует неаналитической, поскольку чисто аналитическая стратегия является предсказуемой для обеих сторон конфликта [30]. Он также предлагает следующий вариант модели взаимодействия СССР – США [30. – С. 87]: «Берется один из тривиальных фактов, создается его окарикатуренное информационное представление, на его основании начинается давление на советское руководство. На этом участке действия западных СМИ носят провокационный характер. Как правило, спровоцировать советское руководство на семантически неадекватный ответ удавалось достаточно легко. После этого наступает этап разрешения кризиса на основе предложений американской стороны в контексте чувства вины советской стороны». Нам представляется, что в основе такой модели все же лежало присоединение к западной системе ценностей, советская система руководством СССР не рассматривалась как универсальная. И это вновь внешне продиктованная система оценки внутренних действий, которая каждый раз возникала, когда Советский Союз выходил за очерченные для него пределы.

Среда стабильная и нестабильная

В целом концептуальная модель революции может быть представлена в следующем виде.

Этап первый. Искусственное создание нестабильности.

Этап второй. Разрешение ситуации нестабильности в свою пользу.

Этап третий. Смена элит.

Нестабильность является результатом нарушения предсказуемости. Разрешение ситуации в свою пользу в случае бархатных революций происходит за счет нейтрализации действий власти, которая либо отказывается от сопротивления, либо с помощью внешнего давления выводится из реальной игры. Власть становится лишь фоном, декорацией, в рамках которой начинает развиваться другой сценарий. Происходит постепенная **смена трех сценариев:**

- сценарий одной власти;
- интерактивный сценарий «власть – оппозиция»;
- сценарий одной оппозиции.

Возникает нестабильная среда, в рамках которой действия власти становятся затруднительными, поскольку именно они вызывают наибольшее сопротивление, а действия оппозиции проходят без такого сопротивления. **Нестабильная среда** характеризуется следующими особенностями:

действия власти затруднены, поскольку нарушены правила, оппозиции же легче действовать в ситуации нарушения правил; **происходит подключение к действию большого числа лиц**, чем резко усиливаются позиции оппозиции, а позиции власти ослабляются;

• **это не военные, а гражданские лица**, что затрудняет применение насилия со стороны власти.

Примечание. Жесткая среда как раз предполагает применение насилия со стороны власти. Оранжевая революция в Киеве все время находилась в ожидании агрессии со стороны власти, чего в результате не произошло.

Как видим, собственно революции действуют в жесткой среде, в то время как бархатные революции – в нестабильной среде. При этом цивилизация накладывает определенные ограничения на способы введения нестабильности. Так, **«запрещенными приемами» введения нестабильности являются:**

- разгул преступности;
- болезни и мор;
- стихийные бедствия;
- террористические акты;
- военные операции по смене режимов.

Как видим, в разряд менее нежелательных способов попали все те, которые направлены на введение физической нестабильности, то есть действия по трансформации физического пространства, хотя и к ним уже также научились прибегать в экстренных случаях, что показали события в Киргизии-2005.

Принятым в рамках революций способом введения нестабильности является усиленная социальная нестабильность, создаваемая в информационном и когнитивном пространствах. При этом действия в физическом пространстве рассматриваются чисто коммуникативно как форма выражения одного значения – социальной нестабильности. Общественное неповиновение в виде блокирования административных зданий является физическими действиями, несущими соответствующее символическое значение – непризнание авторитета власти.

Дестабилизация возникает по следующим направлениям:

- появление нового типа угроз;
- неработающий старый инструментарий по разрешению проблем;
- столкновение двух моделей разрешения проблем, двух моделей выживания в рамках новых проблем;
- внешнее давление на принятие решений.

Происходит насыщение когнитивного уровня, затрудняющего принятие адекватных решений. Время на разработку решений стремится к нулю. **Отмена старых норм и иерархий приводит к появлению новых моделей выживания.** Возникает ряд следствий, значимых уже для индивидуального сознания:

- потеря полноты пространства решений;
- потеря права на индивидуальное (отклоняющееся от других) поведение;
- объединение в социальные группы с целью повышения уровня выживаемости;
- высокий уровень повторяемости слов, высказываний, символов, направленный на фиксацию в индивидуальном и массовом сознании новой парадигмы.

Происходит постепенный переход от захвата публичного пространства к захвату личного, бытового пространства, хотя вначале было наоборот: по модели от личных (например, кухонных) разговоров в информационном пространстве – к общественному информационному пространству.

Этап первый. Переход негативизма от личного, бытового пространства (физического, информационного, когнитивного) к общественному.

Этап второй (собственно революционный). Удержание новой рамки общественного пространства (физического, информационного, когнитивного), выступающего в качестве новой модели.

Этап третий. Переход к всеобщему распространению новых норм в личном пространстве (физическом, информационном, когнитивном).

Например, революция 1917 года захватила чужое личное физическое пространство, создав коммунальные квартиры. Сталинские репрессии захватили индивидуальное информационное пространство – бытовые разговоры. Приметы чужой виртуальности, например елка, смогли вернуться в советскую действительность только путем переосмысления их в новых координатах. Однотипно произошло и с воинскими званиями. Перестройка превратила в публичную и жизнь советских вождей, до этого закрытую завесой секретности.

Оранжевая революция в Украине сделала возможным такой переход к общественному пространству за счет демонстрации массовости оппозиции. Это было сделано с помощью эксплуатации идеи спирали молчания **Элизабет Ноэль-Нойман** [31]. Согласно ей можно манипулировать большинством, создавая для него условия, когда оно будет ощущать себя меньшинством, и соответственно, будет молчать. Активное использование визуальной символики оппозицией многократно усиливало ее силу. Оранжевый цвет, стикеры, плакаты, листовки – все они являются долговременными конструкциями, способными привлечь к себе внимание множества людей. Устное слово недолговечно, его действие завершается. Стикер на стене может висеть почти вечно, все время увеличивая число тех, кто обращает на него внимание. То есть оранжевая кампания в сильной степени выигрывала именно в визуальном пространстве, что, вероятно, по сути заменяло ей заблокированный вариант телевизионного пространства.

Причем интересно, что визуальное пространство по своей природе оказалось очень адекватным именно политической кампании, поскольку там есть существенные ограничения на разнообразие содержания, которых нет ни в случае телевидения, ни в случае прессы. Но избирательные кампании, с другой стороны, как раз и отличаются резким сокращением возможных вариантов сообщений, например, два-три на каждый из этапов кампании, чем создается нужная эффективность воздействия.

Оппозиция также была более активной в области Интернета, поскольку власть придерживалась тактики: если нечто происходит в Интернете, с ним не следует бороться в теле- и газетном пространстве.

Реализацию четырех пространств оппозицией / властью можно представить в следующем виде (см. табл. 6).

Таблица 6

Реализация властью и оппозицией четырех пространств

Пространство, использованное оранжевой революцией	Эффективность использования пространства
Телевизионное	Минимальная для оппозиции, максимальная для власти
Пресса	Меньшая у оппозиции, чем у власти
Улица	Максимальная для оппозиции, минимальная для власти
Интернет-пространство	Максимальная для оппозиции, минимальная для власти

В телевизионном пространстве власть была представлена 30 % политических новостей, оппозиция – 5 % (по данным Академии украинской прессы). Правда, это характерно и для сегодняшнего дня, когда Виктор Ющенко представлен 30 %, а оппозиция – 5 %.

В результате власть была сильнее в телевизионном и газетном измерениях, оппозиция – в уличном (визуальном) и Интернете.

Революция действует в условиях управляемого хаоса, который, как известно, характеризуется нелинейным характером, когда малые причины могут вызывать большие последствия. В случае войны, например, **источниками нелинейности становятся следующие** [32]:

- обратная связь;
- интерпретация действий противника;
- нелинейные составляющие войны, например, масса, трение (по Клаузевицу);
- процесс принятия решений, зависимый от минимальных деталей.

Одновременно перед нами проходят процессы неудачных революционных изменений, когда планируемые результаты не достигаются. В этом случае вводимая нестабильность (асинхронизация государства и общества) либо подавляется со стороны власти, либо активно не поддерживается населением, что приводит к самозатуханию революционной ситуации. Такими примерами могут служить августовский путч 1991 года в Москве и расстрел парламента России в октябре 1993-го. И в том и другом случае одним из основных игроков был **Борис Ельцин**, в первом случае он получал власть, во втором – защищал (см. табл. 7).

Таблица 7
События 1991 и 1993 годов в СССР и России

Время и место	Цель	Развитие
СССР, 18–20 августа 1991 года	Остановить распад СССР	Население и элиты не поддержали путча
Россия, 3–4 октября 1993 года	Остановить нарушения со стороны Бориса Ельцина	Жесткие действия власти в ответ принесли ей победу

Интересно, что августовские события через 11 лет, в 2002 году, воспринимались следующим образом: 41 % опрошенных российских граждан на вопрос, на чьей стороне были их симпатии, ответили, что не успели тогда разобраться в ситуации, 25 % вообще затруднились с ответом (данные опроса ВЦИОМ по [33]). На вопрос о том, кто был прав, 21 % заявил, что ГКЧП, 17 % – выступили против ГКЧП.

Революция, задав серьезную динамику изменений, в дальнейшем может создать трудности сама для себя, поскольку население, активность которого была поднята до максимума, будет требовать дальнейших действий, своего участия в последующих событиях.

Бархатная революция: модель успеха и неуспеха

Предварительные условия цветной революции

БАРХАТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ чаще завершаются победой, что не столько связано с самими революционерами, сколько с неадекватными действиями властей. Власть чуть ли не принципиально не может принять то решение, которое удержит ее на старых позициях. Даже выборы организуются с таким количеством нарушений, которые позволяют их опротестовать.

Бархатные революции развиваются по такой модели, при которой власть теряет свою способность сопротивляться. Для этого не только используются ненасильственные методы протеста, разработанные **Джином Шарпом**, на которые невозможно ответить силой. Есть и другие методы кнута и пряника, направленные на первых лиц, реально блокирующие их возможности по принятию решений. Сюда, например, входит выставление по другую сторону баррикад родственников и знакомых представителей власти, что затрудняет разгон с помощью силы.

Дополнительно к этому избирательные технологии по сути являются инструментарием двойного предназначения: их всегда можно развернуть от выборов к революции. Здесь есть и подготовка команд, и активация населения, и финансирование, и печатание листовок, и присутствие корреспондентов и наблюдателей со всего мира. Все это всегда может быть использовано по-другому в качестве уже не избирательной, а революционной технологии.

Принятие решений властью становится одной из целей подготовки бархатной революции. В результате мы имеем искомый результат. Для бархатных революций определяющей характеристикой является отсутствие желания у власти бороться за ее сохранение всеми возможными средствами. С другой стороны, должна проводиться определенная программа и по блокировке такого желания, только тогда достигается успешный с точки зрения оппозиции результат. Особенно это касается лидеров СНГ, которых кнутом и пряником уводят от подобного типа решений. То есть программа по смене режима состоит в обязательном компоненте, направленном на уводе лидеров как от силовых решений, как и борьбы в целом.

Аналитики давно отметили, что революции проходят в самых демократических странах данного региона [1]. Так, Киргизия имела самого демократичного в своем регионе президента, Украина и Грузия характеризовались достаточной свободой СМИ, в то же время получая все свои негативы из-за рубежа именно за отсутствие этой свободы.

Следует также признать, что и население не испытывает в предреволюционный период особой любви к своей власти. И в Грузии, и в Украине, и в Киргизии власть в это время служила определенным тормозом дальнейшего развития. Частично это связано с экономическим состоянием страны. Аналитики отмечают, что только Россия, Молдавия, Грузия, Украина, Таджикистан и Киргизия не достигли уровня ВВП 1990 года [2].

Телевизионная составляющая современной революции является внутренним ее механизмом, а не просто элементом освещения. И это понятно: прямая трансляция массового события создает колоссальную эмоциональную связь с аудиторией. Недаром **Глеб Павловский**, выступая на Четвертом Евразийском медиа-форуме в Алма-Ате, определил цветную революцию как переворот в картинках с идейной риторикой [3]. При этом понятно, что можно создать и отторжение от аудитории в зависимости от задач, стоящих перед коммуникатором. Но, как правило, выступление против власти всегда форматируется как хорошее и вполне законное поведение народа.

В целом мы можем представить рассмотренные **предварительные условия** революции в следующем виде.

1. Власть не решается противостоять оппозиции (демократическое условие).
2. Экономическое развитие страны вступает в противоречие с ожиданиями граждан (экономическое условие).
3. Наличие возможности телевизионного освещения внутри страны и вне ее (информационное условие).

Обязательные компоненты бархатной революции

В революции побеждает тот, кто хочет победить, а не тот, кто потенциально может это сделать. Так можно еще передать известную максиму, что верхи «не хотят». Круг лиц, которые хотят смены власти, должен пересилить тех, кто хочет сохранения ее. При этом обязательно наличие организованного сочетания масс, которые в состоянии противостоять таким же организованным структурам власти (милиция, армия, служба безопасности). В случае украинской оранжевой революции в этой роли выступили следующие три силы:

студенчество, организованное «Порой», создавшей как палаточный городок, так и несколько десятков забастовочных комитетов по всей Украине [4–5];

региональные силы, представляющие Западную Украину;

мелкий и средний бизнес, поскольку среди прочего он ощущал страх от прихода «донецких».

Следует добавить с точки зрения организации важную роль, которую играл Киев как со стороны выступлений в поддержку со стороны жителей, так и с позиции разрешения на эту поддержку со стороны мэра. Киевляне, однако, вливались в «протестные формы», уже созданные для них.

В Грузии и Киргизии также значимую роль сыграли региональные представители, которые могли быть не просто массой людей, а организованной массой, которая подчинялась конкретным «полевым командирам», и на нее можно было возложить определенные задания, чего не может быть по отношению к стихийной массе людей, собирающейся на площади, которая с таким же успехом может спокойно разойтись по домам. У приехавших регионалов такого дома в Киеве не было, поэтому вся энергия должна была идти на революцию.

Бархатные революции скорее можно рассматривать как «театральные», поскольку в этом случае, начиная с Праги, власть или отдельный ее сегмент передают власть другому сегменту на фоне специально созданных ярких «театральных» декораций. Законом бархатных революций является принципиальное несопротивление власти. Если власть сопротивляется, занимает активную позицию, то это уже не бархатная революция.

С такой позиции и путч 1991 года можно рассматривать как театрализованную передачу власти от **Михаила Горбачева** к **Борису Ельцину**. Власть изобразила, наметила свои действия, якобы поиграла мускулами и тут же успокоилась, то есть это такой же вариант несопротивления, как в Праге и Киеве.

Другой вопрос: каким образом создается это несопротивление? **Роберт Хелви** подчеркивает необходимость создания дилемм для власти [6]. Дополнительно к этому в условиях глобализации начинает по-иному играть внешний фактор: власть не является изолированной, ее внешняя зависимость многократно возрастает, что позволяет использовать эти связи для внешнего давления на власть, ведущие к ее несопротивлению.

Кроме несопротивления власти второй базовый элемент бархатной революции – модель массового участия в ней населения. И здесь она практически всегда характеризуется созданием жертвы, позволяющей развернуть массовые действия против власти. В рамках украинской оранжевой революции было несколько вариантов такой жертвы: это смерть **Григория Гонгадзе**, о которой сегодня много пишут как о сознательном подведении президента Леонида Кучмы под разговоры о его судьбе на пленках подслушивания, это и сам Виктор Ющенко,

отравление которого стало элементом избирательной кампании. Итак, выделим обязательные компоненты бархатной революции (см. табл. 8).

Таблица 8
Обязательные компоненты бархатной революции

Компонент	Несопротивление власти	Массовое участие населения
Сопутствующий контекст, обеспечивающий реализацию	Внешнее и внутреннее давление	Жертва

Революция моделирует разрыв имеющихся силовых линий в процессе перехода на новые варианты силовой конфигурации. **Разрыв силовых линий всегда связан с сопротивлением, которое может быть разного уровня. Нейтрализация этого сопротивления – главная задача любой революции.** Бархатные варианты активно используют для такого рода нейтрализации внешний фактор, вес которого резко возрос в последнее время. Планировщики революции всегда точно выделяют точки сопротивления, доступные власти на данный момент. Например, планировщики оранжевой революции в Киеве понимали, что слезоточивый газ действует только на десять рядов протестующих, а водометы – на двадцать, что не позволяет остановить большие массы людей подобными методами.

Бархатная революция отличается самым главным своим компонентом – неприятием решения властью. Если **стандартная модель Джона Бойда НОРД** (наблюдение – ориентация – решение – действие) направлена на принятие решения, то сейчас ставится задача не допустить принятия властью силового решения. Поэтому запускается ряд составляющих, призванных как затруднить само подобное решение, так и не дать возможности его выполнить, если таковое все же будет порождено.

Украина (как и ряд других постсоветских республик) продемонстрировала следующий набор примет этого явления, среди которых можно назвать такие:

- создание дополнительного внешнего органа управления вне бюрократической системы (определенного неформального кризисного центра);
- смена министров-силовиков;
- привлечение внешних политконсультантов;
- освоение ненасильственной методологии со стороны оппозиции, что блокировало применение насилия со стороны власти.

Роберт Хелви строжайше подчеркивает, что наличие военного компонента очень опасно для проведения в жизнь как раз ненасильственной методологии [6. – С. 135–137]. Он нарушает динамику ненасильственной борьбы, затрудняет вербовку новых сторонников, мешает получению признания из-за рубежа, вызывает насильственное реагирование со стороны режима. То есть насилие не способствует, а только мешает выверенному инструментарию.

Когда власть не принимает решения, а она часто это делает, поскольку понимает, что силовики ее не послушаются, тогда в результате решения принимает другая сторона, которая сама начинает диктовать правила игры. В рамках запущенной ненасильственной методологии у власти нет другого пути, как только постепенная сдача того или иного «плацдарма».

Основой неприятия решения властью становится среди прочего дезинтеграция общества, созданная как прошлым периодом, так и избирательной кампанией. Возникает разделение общества по следующим признакам:

- возрастному** (акцент делается в первую очередь на выделении молодежи);

региональному (этнический или административный сегменты начинают противостоять друг другу);

экономическому (здесь типично расслоение на бедных и богатых);

политическому (всегда можно выбрать один из сегментов, объявляя его политические воззрения более правильными).

При этом оппозиция строит процесс идентификации себя с наиболее активными сегментами, разрушая идентификацию власти с ними. Но в основе этого все равно лежит предварительная максимальная сегментация общества.

В результате образуются группы противопоставления, которые в той или иной степени давят на власть, не давая ей возможности принять адекватное решение. Этих разнонаправленных игроков можно представить в следующем виде:

- население, где разделение прошло вплоть до семьи;
- силовые структуры (министерства внутренних дел и обороны, а также служба безопасности Украины повели себя по-разному, правда, **Александр Турчинов**, как глава украинской службы безопасности, несколько занижает роль генералов от разведки [7]);
- внешнее влияние (США и Россия);
- региональные власти (Запад и Восток Украины держались противоположных взглядов).

Задолго до этого были развернуты разные процессы по делегитимизации власти. Этому способствовало как обвинение власти в коррупции, так и появление жертвы. Жертва, напомним, является обязательным компонентом бархатных революций со времен Чехословакии, что не только делегитимизирует власть, но и заранее связывает ей руки в отношении силовых вариантов. Одновременно это воодушевляет массы на более активное участие в акциях протеста, поскольку порождается стандартный мифологический конфликт: герой от имени цивилизации – дикари от имени власти. Именно нечеловеческий характер врага представляется явной приметой порождения и активации мифологического сознания. Иррациональность здесь важна для того, чтобы избавиться от страха перед властью, хотя методы заглушения страха хорошо разработаны в ненасильственном сопротивлении [6].

Революция разрушает старую стабильность, вводя новую, которая затем закрепляется в качестве доминирующей. Вводятся новые системы удержания этой стабильности, которые сориентированы на новых игроков. Временное становится постоянным, периферийное – главным. Цикл в результате подходит к концу, совершив запланированную смену элиты.

При этом революция в Киргизии, к примеру, продемонстрировала некую факультативность многих позиций стандартной схемы. Можно выделить несколько существенных отклонений:

- большое число людей, принимающих участие в акциях протеста в Украине – малое число в Киргизии;
- наличие четкого лидера (Югославия, Грузия, Украина) – отсутствие такого лидера;
- опора на молодежь – опора на родственников непрошедших депутатов;
- основные действия в столице – основные действия вне столицы;
- продолжительный срок протеста – ограниченный срок протестных действий в Киргизии.

По последней характеристике свидетель событий телекорреспондент **Святослав Цеголко** назвал киргизскую революцию «революцией за полчаса» [8]. Общим моментом для Украины, Грузии и Киргизии он считает определенный имеющийся региональный раскол государства, реализованный в разной степени. С другой стороны, именно наличие этой особенности позволяет вербовать ряды настоящих сторонников, способных противостоять государственной машине.

Продемонстрированный Киргизией вариант развертывания всех действий за пределами столицы говорит об их факультативности. Это то, что надо было продемонстрировать, но не

то, что было действительно необходимым. **Владимир Голышев** вообще считает смену власти в Киргизии инсценировкой, проделанной силовыми ведомствами [9]. То есть возникает два плана: реальная подковерная смена власти и на поверхности – виртуальная революция. При этом виртуальная революция все же ударила по стеклам магазинов, поскольку не все действующие лица знали, что они «играют» в революцию.

Следует напомнить также основания методологии ненасильственных действий, которая оказывается задействованной во всех вариантах бархатных революций [6. – С. 1 35-1 37]:

- важность определения конечных и промежуточных целей борьбы;
- точное определение источников силы власти;
- знание большого арсенала ненасильственных средств и методов;
- страх и техники его преодоления;
- знание основ пропаганды, определение сообщения, цели, сообщающего и обратной связи;
- дополнение к ненасильственной методологии не может включать насилие, что является опасным для движения.

По последнему пункту можно вновь вспомнить Киргизию, где, вероятно, вышедшее из-под контроля народное творчество в виде погромов сразу вызвало набор отрицательных комментариев. Но в любом случае это действия из того же инвентаря партизанской тактики, а не что-то принципиально иное.

Бархатная революция протекает на интересном фоне, когда, с одной стороны, она является самым важным событием, с другой – происходящее в рамках ее не имеет юридической силы. Образуется странный парадокс:

- результаты революции не работают, нужны выборы;
- результаты выборов зависят от результатов революции.

Постсоветские бархатные революции четко привязаны к точке выборов, что связано с рядом рассуждений. С одной стороны, легитимными могут быть только выборы, поэтому концентрация усилий на этом процессе позволяет решать проблемы сегодня, а не ждать наступления следующих выборов. С другой – выборы дают возможность создавать команды, которые готовы как к выборам, так и к революционным сценариям.

Жак Эллюль различал первичные и вторичные группы в формировании общественного мнения [10]. В первичной группе есть прямые контакты, это малая группа. В ней люди имеют непосредственные контакты с событиями, о которых складывается мнение. Вторичные группы – это большие общества. Здесь подчеркиваются три характеристики:

- должны быть институционализированные каналы коммуникации, предоставляющие факты, по которым формируется мнение;
- мнение не может высказываться непосредственно, для него также нужны каналы;
- мнение формируется большим объемом людей, которые не могут рассматривать один факт в одной манере.

Оранжевая революция образовала конфликт между первичным и вторичным кругом общественного мнения. Первичное удерживалось массивом официально ориентированных СМИ, вторичное – кухонными разговорами. И эта модель власти оказалась проигранной, поскольку сформировалось четкое ощущение, что провластные СМИ говорят неправду.

Александр Неклесса вообще увидел в революциях особую роль «эфирократии», которая выступила в роли фермента перемен [11]. Но с нашей точки зрения это общее отражение глобализации, которая движется и по информационным, и по экономическим, и по политическим каналам. Это столь сильное давление, что **Александр**

Дугин уже призвал к неопринципине как антизападной мобилизации [12]. Речь идет о модернизации России без вестернизации. **Станислав Белковский** и **Роман Карев** также видят в будущем СССР защиту от глобализации: «Глобализация, которая есть во многом аме-

риканизация, не оставляет странам и народам шанса сохранить свою идентичность, уникальную социокультурную среду. Проблема многих стран и культур сегодня – как использовать технологические структуры, порожденные глобализацией, и не утратить собственную национальную уникальность, равно как и волю к принятию своих, отдельных политических решений, к самостоятельному формированию своего будущего. Найти баланс непросто, но межгосударственный союз открывает для этого возможности» [1 3].

Реально выстраивается понимание того, что информационные потоки на самом деле являются потоками политическими, по этой причине по ним идет в первую очередь то, что нужно внешнему игроку. **Михаил Ремизов** очень четко фиксирует новую реальность [14]: «Революционные технологии – это механизмы придания «целеустремленной» толпе статуса народа. Специфика бархатных революций в том, что этот статус не завоевывается «революционной массой», приходит к ней извне. Именно внешний центр власти – не столько по дипломатическим каналам, сколько по каналам мировых СМИ, – гарантирует митингующим статус авангарда народа, вышедшего на сцену истории, чтобы сменить режим».

Информационные потоки и их потребители задали адекватность / неадекватность происходящего. Виктор Янукович был задан политическими коммуникациями оппозиции как «бандит». Как следствие, общество не хотело избрания человека с двумя судимостями. Здесь оказалось нарушенным одно из важных правил: «Не позволяйте вашим врагам определять ваши позиции» [15]. Команда Виктора Ющенко была более активна в создании фреймовых конструкций, где факт сочетался с интерпретацией, в чем наиболее преуспели сегодня республиканцы в США [16]. Это народный кандидат против кандидата от власти, это бандитская власть, это канал честных новостей.

Роберт Хелви четко перечисляет то, что запрещено для ненасильственного движения [6. – С. 117–123]:

- насилие;
- проявления отсутствия единства внутри движения;
- ощущение эксклюзивности приводит к апатии и враждебности исключенных групп;
- наличие иностранцев внутри не должно стать публичным;
- активное участие военных сил в политической борьбе;
- организационная структура, которая не подходит для ведения ненасильственной борьбы;
- агенты-provokatory.

Если проанализировать эти разные типы объектов, запрещенных к употреблению, то все это жесткая концентрация на инструментарии ненасильственного порядка. Но не следует одновременно забывать, что в основе этой методологии лежит работа по разрушению систем поддержки действующей власти. Их определение и анализ становятся основой будущих действий [6]. Это полиция, о которой говорится, что не они виноваты, а система. Это военные, которые в Сербии отказались вмешиваться. Это чиновники, сердца которых должно завоевать ненасильственное движение.

Разрушение социальных, экономических, политических структурностей, свойственное переходным периодам, ведет к возрождению других компонентов. Это может быть религиозный компонент, например, буддизм во Вьетнаме [1 7]. Это может быть попытка возродить молодежное движение, как это происходит сегодня в России.

Сол Алински считал главным правилом тактики конфликта знание традиций данного сообщества, поскольку опора на традиции может дать победу народному движению, которое не обладает большими ресурсами [18]. Он цитирует ситуацию времен французской революции, когда наступающие ударили старика мечом, что из-за уважения французов к старости вызвало крики «К оружию!»

В этом плане бархатные революции в соцстранах строились на восстановлении традиции независимости. Причем разные страны по-разному оценивали свои отношения с Россией. Как пишет **Максим Соколов**: «Много ли мы слышим об откровенно русофобских выступлениях чехов и мадьяр, а равно румын с болгарам, сравнимых с тем, что постоянно чинят поляки?» [19].

Таким образом, бархатные революции проходят три развилки в области принятия решений, причем каждый раз принимают не то решение, на которое рассчитывают окружающие:

- в соревновании официальные СМИ – кухонные разговоры побеждают кухонные разговоры, что, собственно, и было в прошлом, когда распался Советский Союз;
- в столкновении в качестве целей вестернизация – условная «советизация» побеждает вестернизация, что вновь подтверждается однотипными примерами из прошлого времен перестройки;
- в конфликте принятия решения властью силовой – несиловой варианты побеждает несиловое решение.

Первые две дилеммы можно еще рассмотреть как канал коммуникации населения и содержание этой коммуникации. Выигрыш кухонных коммуникаций говорит о том, что возникает следующий дополнительный набор вопросов на будущее: как его наполнять содержанием, как в этом случае ведется обработка информации. Понятно, что это будет более эмоционально окрашенные процессы, в то время как официальные СМИ тяготеют к рационализации этих процессов, то есть налицо явное несовпадение.

Что касается роли внешнего влияния, то США и Россия были одинаково активны на территории Украины, хотя и реализовывали это влияние с помощью разного инструментария, так что этот фактор можно считать взаимно нейтрализующим. Активность несомненно была, но она шла по разным направлениям.

Революция предполагает выход на улицы масс населения. Бархатные революции пользуются телевизионной картинкой-мультипликатором, но все равно они нуждаются в населении. Поэтому возникает потребность в процессах перетягивания легитимизации от власти к оппозиции. Этот процесс строится на следующем:

- обвинение власти и соответствующего отторжения населения от власти;
- идентификации населения и оппозиции.

Эти процессы могут идти достаточно долго. Выборы предоставляют естественную временную точку для активации революционных действий, поскольку представляют собой «товар двойного предназначения», весь инструментарий которых легко переходит от избирательным к революционным стратегиям, тем более, что в большом объеме эти действия совпадают.

Население может выходить на улицы не только по идейным, но и по финансовым соображениям. Например, российские протесты оцениваются по шкале, в соответствии с которой один студент может получить 200 рублей за полтора часа участия [20]. Те или иные цифры постоянно возникают в случае всех цветных революций.

На сегодня активность украинского населения вернулась в норму. «Пятый канал» также возвратился к «дореволюционному» уровню зрительских симпатий. **Леся Ставицкая** проанализировала вербальную стилистику эмоционального напряжения оранжевой революции [21]. Но это также уже история. Эмоции и проблемы перекинулись на другие государства, в первую очередь Россию и Казахстан. Более того, Россия делает парадоксальный вывод по поводу постсоветского пространства: «невозможность образования в современных условиях здесь (да и нигде в мире) самостоятельного, полноценно суверенного государства. Ни одного, за исключением, быть может, России» [22].

В свою очередь **Глеб Павловский** повторяет слова, которые были слышны в Грузии, Украине, Киргизии до наступления революционных событий: «России не грозит то, что было в Грузии или в Украине. Хотя, может быть, наши угрозы, наши опасности не меньше, чем

опасности Грузии и Украины. Наверное, наши опасности в чем-то, может быть, больше» [23]. Те же слова слышны сегодня и в Казахстане. Однако поскольку, как мы видим, программа революции предполагает предварительное успокоение властей, то даже аргументация против с новыми вариациями не снимает принципиального отторжения самой идеи. Ведь жизнь часто идет впереди слов.

Модест Колеров увидел в движущей силе перестройки средний класс – инженерно-технических работников. Все это привело к активным антигорбачевским настроениям: «Перестройка запустила механизм смуты, который никто не хотел анализировать, питалась надеждой на социальную мобильность: жить достойно, но не работать адекватно. Этот внутренний фактор – основа рукотворных цветных революций. Надо думать о последствиях реформ. А не просто совершать сделку власти с оппозицией» [24].

Каждая последующая революция сегодня является продолжением предыдущей: «Оказался запущен механизм резонанса. Каждый новый переворот демонстрирует, что возможна победа над все более сильным противником. Но победа не абстрактной рафинированной оппозиции – а победа движения масс над государственной машиной. Как говорил герой одного фильма: «Оказывается – можно! Оказывается, с самого начала было можно!» [25]. Революциям подвластны все новые и новые вершины.

Бархатные революции совершаются в определенной опережающей манере. Их реальные результаты приходят тогда, когда ничего уже изменить невозможно. Особенно это наглядно видно на примере Киргизии-2005, которая попала в серьезный экономический капкан. В то же время это была революция с применением насилия (см. подборку материалов в «Весь мир» (Алма-Ата) под симптоматичным названием «Дело было в Бишкеке. Мир заглянул в лицо кыргызской революции. И вздрогнул...» [26–27]). Одновременно не следует настолько драматизировать киргизские события, просто они происходят в том виде, который более соответствует своему месту и времени.

В этом плане можно говорить, что бархатные революции могут быть ведомы правильными, но все же виртуальными целями, которые тяжело поддаются реализации. Одновременно следует признать и справедливость неудовлетворенности населения: например, **Виктор Ющенко** должен был победить во втором туре выборов, как показал математический анализ «нерегулярностей» [27].

Коммуникативная модель революции

Информационное давление

НОВЫЕ ТИПЫ бархатных революций отличаются своим подчеркнутым коммуникативным характером, что естественно для информационного века. Если вчера участником революции всегда был ее непосредственный участник, то сегодня в этой же роли может выступить и наблюдатель – человек у телевизора, поскольку эмоциональные выступления, демонстрация толпы, прямой эфир создают иллюзию присутствия. Международные медиа разносят эту картинку туда, где до этого даже не слышали о существовании такой страны. Это все **новый тип давления – информационный, создающий информационно-организационный тип революции, которого никогда не было ранее.**

Это проектная модель, где резко возрастает роль проектировщиков и проектантов, которые планируют движение с учетом имеющихся ресурсных возможностей. В этом плане есть страны с разным уровнем проектной культуры. **Сергей Переслегин** считает, что развитие России происходит спонтанно, лишь постфактум оформляясь в тот или иной проект [1]. Российские проекты заимствованы у Европы, у Византии, у других государств, по этой причине они неадекватны русскому мышлению. Развитие происходит не в рамках проектности, а само по себе, лишь потом принимая формы, свойственные западной системе.

Новый тип революции позволяет реально опираться на меньшее количество людей, поскольку их всегда транслируют как множество. Телевизионная картинка всегда оказывается ярче и зрелищнее реальности. Массовость на экране не всегда отражает массовость в действительности. На Майдане было, естественно, много людей, но не то число, которое заявлялось с трибуны. Телевидение не столько описывает подлинную реальность, сколько само создает символическую реальность, которая лучше удовлетворяет условиям функционирования виртуального пространства.

Телевизионная картинка как бы преувеличивает реальность, часто заменяя ее саму. В качестве примера можно вспомнить свержение статуи Саддама Хусейна, обошедшее все телеэкраны. Но, как оказалось, и это есть пример эксплуатации возможностей именно телевидения. 9 апреля 2003 года американские морские пехотинцы решили сбросить статую. После отбора объекта через громкоговорители команда по психологическим операциям пригласила иракцев на помощь. Сначала вокруг лица Саддама был американский флаг, потом его заменили на иракский, чтобы не выглядеть оккупантами. Статую привязали к машине, которую скрыли за кричащими иракскими ребятами. В результате образовалась постановочная ситуация, которая потом транслировалась в качестве реальных новостей [2]. Можно увидеть несоответствие характеристик, что реконструируется, по нашему мнению, следующим образом (см. табл. 9).

Таблица 9

Реальная ситуация и телевизионная картинка свержения статуи Саддама Хусейна

Реалии	Новости
Американские морские пехотинцы, накинуп на голову статуи	Ликующие жители Ирака сбрасывают статую,
американский флаг, сбрасывают ее с помощью машины	накинуп на ее голову иракский флаг

То есть постановочное событие не совпадает с реальным по ключевым характеристикам, носящим символический характер. Произошли следующие виды замен:

- флаг американский – на иракский;
- американские пехотинцы – на иракских граждан;
- сбрасывает статую машина, а не толпа.

В одной из других статей по поводу свержения статуи сообщалось также о резко меньшем количестве иракцев, число которых на экране было увеличено с помощью компьютера, чем и была достигнута нужная символизация.

Новости всеми признаются как максимально достоверный факт, из которого вычеркнута интерпретационная составляющая. В подобного рода новостях, наоборот, самым главным является спрятанная в них интерпретационная составляющая. Именно она порождает и делает новость, без нее и новость была бы другой. При этом следует подчеркнуть, что лица, принимающие решения, не ходят по улицам: они видят документы и телекартинки (ср., например, роль CNN в функционировании Ситуационной комнаты Белого дома [3]).

Вариант так долго обсуждаемых украинских «темников» можно увидеть в меморандумах телекомпании Fox News, принадлежащих **Руперту Мердоку**. В фильме, посвященном исследованию подобных механизмов, приводятся следующие примеры [4]:

- по поводу увеличивающегося числа американских потерь в Ираке: «Не попадите в ловушку оплакивания американских жизней»;
- по поводу осады Фаллуджи: «В очень скором времени некоторые люди будут порицать использование излишней силы. Нас не будет в подобной группе»;
- по поводу комиссии конгресса по 11 сентября: «Тот факт, что сотрудники бывшей администрации Билла Клинтона и бывшей и нынешней администраций Джорджа Буша выступают в роли свидетелей, создает определенное напряжение, но это не вариант «что он знал и когда он узнал». Не превращайте все это в Уотергейт».

Здесь очень четко заявлен метауровень, с позиции которого будут выстраиваться факты. По сути метауровень способен уничтожить факты, не признавая их системности. Главным на этом уровне становится, например, ослабление или усиление позиции Буша-президента, поскольку все эти факты могут выстроиться так или иначе.

В этом плане оранжевая революция и Пятый телевизионный канал анонсировали победу задолго до того, как она осуществилась. Приметой этой победы стало число людей, вышедших на улицы в качестве протестующих. Аргументация (явная и неявная) строилась следующим образом:

- народ вышел на улицы;
- народ требует Ющенко;
- Ющенко – народный президент.

Предложенная модель в определенной степени противоречит заявленной **Сергеем Доренко** схеме, что если в оранжевой революции негативные цели были заявлены, то с позитивными идеалами украинцы не определились [5]. Дело в том, что в революционной ситуации негативные цели всегда будут выражены ярче и сильнее, поскольку они должны мотивировать людей на протестные действия.

Анонимный специалист по психологическим войнам в интервью в статье в газете «2000», возражая против заявленного числа протестующих во время оранжевой революции, заявил, что если бы на улицы Киева вышло 350 тысяч митингующих, то им необходимо было бы выпекать 340 тысяч тонн хлеба, что составляет как раз то количество, которые производят хлебозаводы столицы ежедневно [6]. Даже незначительное сокращение продажи сразу же вызывает хлебный ажиотаж, чего не было. Этим рассуждениям можно не верить, поскольку они принадлежат оппонентам, но **Роман Бессмертный**, возглавлявший палаточный городок, назвал количество съедаемой там ежедневно провизии: 15–20 тыс. буханок хлеба и 5,5 тонны каши [7]. Это вновь могут быть цифры на завершающем этапе, а не на пике, но разрыв все равно не может быть таким большим.

Будущее создается всегда, однако создание его в интенсивном режиме представляет особые трудности, поскольку требуется не только удержать новые параметры, но и ограничить действие старых. Суммарное действие позволяет создать контекст для расширения возможностей нового варианта будущего. Событие начинается заранее. **Оранжевая революция также готовилась в тренингах и семинарах за два года до самих событий ноября – декабря 2004-го.** Активные действия организации «Пора» начались в марте, в сентябре уже насчитывалось около 300 задержанных правоохранными органами. При этом «Пора» обучалась дифференцированно: и отражению атаки со стороны милиции, и отражению атаки со стороны криминалитета.

Анализируя прохождение бархатных революций, включая перестройку и оранжевую революцию в Украине 2004 года, наглядно видно, что главным процессом становится потеря контроля со стороны власти. Находясь на распутье между действием и бездействием в плане реагирования на отклонения, власть каждый раз избирает бездействие, но поскольку это не одноразовый, а многократный процесс выбора, ситуация постепенно переходит в новое состояние.

Когда пассионарии вступают в действие, старый инструментарий уже не помогает, поскольку необходимо принимать решения в новых условиях, к которым государственная система оказывается не готовой. И тренировка, которую проходили сотрудники правоохранительных органов, которую демонстрировали время от времени то провластные, то оппозиционные каналы, в результате не имела значения. Поскольку тренировались на рассеивание толпы, а не на отдачу приказов.

Информационное пространство «прорвало» первым: никакие фильтры и редакция не выдержали. Произошло выравнивание информационного пространства, в котором стали неразличимы бывшие провластные и бывшие оппозиционные каналы. Это выравнивание говорит о переходе на другие позиции именно провластных каналов, а не каналов оппозиционных.

Майдан стал более достоверным интерпретатором событий, чем профессиональные специалисты в этой области. Именно он также демонстрировал постепенную сдачу «побежденных» людей в погонах. На нем выступили отдельные офицеры милиции, курсанты Академии внутренних дел и даже генералы службы безопасности Украины.

Майдан стал единственным источником информации, поскольку на нем не было разрыва между событием и рассказом о нем. Все происходило на глазах. Стандартные телевизионные новости рассказывают о событии по прошествии некоего времени, здесь же разрыв между событием и его освещением сводился к нулю. Более того, Майдан выступал в роли источника событий, то есть предшествовал им таким образом: **Майдан – событие – новость.** Именно за счет этого возникало ощущение принадлежности к истории, творимой на глазах.

Шло постепенное разрушение той структурности, которая была свойственна предыдущему режиму. Каждый режим всегда обеспечивает определенные модели правильного поведения и пытается (с разной степенью жесткости и даже жестокости) наказывать за отклонение от этих моделей. Проблема состоит в формах этого контроля и того, как далеко он может простираться. Например, даже Советский Союз при его мощной системе как цензуры, так и пропаганды и агитации не мог контролировать все, за пределами этого контроля, например, находилось то, что именовалось кухонными разговорами, то есть приватные беседы людей.

Таким образом, **функции Майдана** могут быть выписаны следующим образом:

- информирующая;
- интерпретирующая;
- моделирующая протест для других.

Возникла новая аксиома поведения: **тот, кто разговаривает с Майданом, тот и прав.** Власть априори была лишена такой возможности, тем самым она, выйдя из коммуникативного поля, автоматически вышла и из властного.

В этом плане мы видим определенную коммуникативную модель революции: переход от захвата одних коммуникативных потоков и сфер к другим (см. рис. 1).

Рис. 1. Коммуникативная модель революции

Следует подчеркнуть, что ни одна революция не может обойтись без интенсификации информационных потоков, поскольку революция по определению отличается от путча именно включением больших масс людей. Информация должна выполнить следующие функции:

- активировать массовое сознание;
- удерживать своих сторонников в активном состоянии все время до победы;
- легитимизировать революционные действия для внутренней и внешней аудитории;
- устрашать оппонентов для недопущения применения ответных активных действий;
- легитимизировать новых лиц в качестве руководителей.

Более того, в этот период именно информационный инструментарий является наиважнейшим, поскольку любой другой не является адекватным возможностям оппонента. Именно информационный инструментарий позволяет разрушать армию и полицию, не имея равной с ними военной силы, заставляя их переходить на другую сторону. Например, оранжевая революция в Киеве в 2004 году в течение двух недель демонстрировала, как заявляли о своей иной позиции отдельные офицеры милиции, два генерала службы безопасности, курсанты Академии внутренних дел. Это была модель перехода на сторону революции основных сил опоры режима. Это было пока только моделью, но на этом уровне этого было достаточно.

Наблюдалось интересное сопоставление уровней доверия, вытекающее из разных моделей выступлений: руководители милиции, выступавшие официально с экрана телевизора, могли составить слабую конкуренцию реальным людям, выступавшим лично, от себя. Причем это были люди, несущие новую модель поведения, в отличие от официальных лиц, поэтому уровень эмоциональной включенности повышался еще больше.

При этом следует помнить, что **до того, как захватить информационный поток, следует точно так же начать управлять процессами принятия решений в этой сфере.** Если вернуться в советское время, то именно наличие иных коммуникаций и иных процессов решений в сфере неофициальной, которая в то же время удерживалась и поддерживалась диссидентским потоком, индустриально ретранслируемых «голосами». То есть «ячейка» такого захвата состоит из трех компонентов:

- процессы принятия решений,
- межличностные информационные потоки;
- индустриальные информационные потоки.

Оранжевая революция также захватила интеллигенцию и малый бизнес как сферу общества, обладающую другими представлениями о демократии. Индустриальный информационный поток, как, кстати, и в Грузии 2003-го, создавала частная телекомпания «Пятый канал». То есть процесс разрушения старой структурности и вхождения новой проходил по следующим уровням:

- информационному;
- психологическому;

- социальному.

Это уровень человека, уровень же всего общества шел по пути разрушения структурности следующего вида:

- политической;
- экономической;
- юридической.

На каждом из уровней старая структурность заменялась новой.

Изменения в физическом, информационном и когнитивном пространствах

Если рассматривать прохождение революционных изменений в рамках трех пространств (физического, информационного и когнитивного), то революция предстает как захват только одного из пространств, в то время как эволюция работает сразу на всех трех, являясь естественным развитием ситуации.

Рассмотрим наиболее интересные виды сочетаний победы / поражения во всех трех пространствах (физическом – Ф, информационном – И, когнитивном – К), где победа будет обозначаться как 1, нейтральная позиция или поражение как 0.

ФИК-100. Это путч, когда успех в физическом пространстве одной группы лиц ничем не подкреплен ни в массовом сознании, ни в массовых коммуникациях. Это чисто физическое действие, к которому впоследствии «приклеится» та или иная идеология, пытающаяся его обосновать.

ФИК-010. Это агитация, усиленная информационная активность, после которой должна последовать когнитивная и физическая активность.

ФИК-001. Это брожение в умах, нечто вроде кухонных разговоров в советское время.

ФИК-111. Это эволюция, если мы имеем дело с естественно созданной, а не стимулируемой извне ситуацией. Или революция, если массы были подняты искусственно.

При этом играет роль и направление захвата, то есть его «синтаксис». Движение от когнитивной сферы является нормальной эволюцией, движение от информационной сферы сначала к когнитивной, а затем физической представляется типичной революционной агитацией.

Другие варианты сочетаний таковы.

ФИК-110, то есть изменения в области физического, а также информационного пространства, не дающие таких изменений в рамках когнитивного пространства: определенное непризнание происшедшего. Это можно трактовать как оккупацию или строительство нации извне, то есть нечто похожее на сегодняшний Ирак.

ФИК-101. Это физические и когнитивные изменения, не отражаемые почему-то в рамках информационного пространства. Вероятно, перед нами вариант цензуры, которая не допускает в публичное обсуждение то реальное, что происходит. Но в рамках информационного пространства это не обсуждается. Причем поскольку это существенные трансформации, то они должны были бы быть отражены.

ФИК-001. Это накопление определенного напряжения, которое не находит выхода. Назовем это революционной ситуацией, которая рано или поздно должна взорваться в информационном и физическом пространствах.

Рассмотрим некоторые известные варианты революционных процессов в рамках предложенных разграничений.

Джин Шарп предлагал разрушать столпы (опоры) поддержки режима (pillars of support), что дает выход на его точки уязвимости [8]. Захват физического пространства часто связан с жертвами. Теория этого исследователя является вариантом гражданской обороны, направленной

ной против военных, то есть в рамках физического пространства возможны разного уровня ответные действия.

Революция 1905 года представляется вариантом информационной активности, на которую последовал ответ в рамках физического пространства в виде стрельбы. Отсюда возникает правило эквивалентности: ответ должен следовать в рамках того же пространства или быть менее сильным. То есть на физические действия более предпочтителен информационный ответ, менее – физический, на информационные – предпочтителен информационный ответ, реально даже запрещен ответ физический.

Августовский путч 1991 года проходил в рамках физического пространства с соответствующей информационной активностью, но он не привел к планируемым когнитивным изменениям. Было реализовано сочетание ФИК-110 вместо планируемого ФИК-111.

В случае путча при преобладании защиты над нападением имеет место инфильтрация в структуры управления одного сегмента, в случае революции – нападение явно больше защиты из-за массовости протестующих. Псевдопутч будет иметь значения $\Phi - 0$, $I - 1$, как было в случае путча в Алжире и августовского путча 1991 года в России. Это моделируемое событие, которое более сильно в информационном плане, чем в плане реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.